

УДК 316.342

НАТАЛИЯ КОВАЛИСКО,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии исторического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко, Львов

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины, Киев

Экономика и социология неравенства: эмпирические свидетельства глобальных тенденций

Аннотация

В последние два десятилетия измерение как экономического, так и социологического неравенства стало гораздо точнее. Эконометрия глобального неравенства разрабатывается большими коллективами исследователей на материалах унифицированной официальной статистики и опросов домохозяйств с применением все более изощренных методов обработки больших массивов информации. Обобщающий вывод состоит в том, что в 80-е годы прошлого столетия произошел Inequality Turn — начался и длится до сих пор период роста неравенства в мире в целом и в большинстве стран. Отсутствуют эмпирические свидетельства того, что углубление глобального экономического неравенства сопровождается нарастанием глобального социального неравенства. Взаимосвязь экономической и социальной стратификации лучше устанавливается и отслеживается на локальном уровне. Трансинституциональность и транскультурность, как и генерализирующее усреднение на глобальном уровне, не входят в актуальную компетенцию социологии. Она была и остается наукой о различиях, неоднородности, иерархиях, образующих тот предел, за которым отменяются ее познавательные полномочия.

Ключевые слова: *глобализация, экономика неравенства, социология неравенства, измерение, тенденции*

© Н.Ковалиско, 2018

© С.Макеев, 2018

НАТАЛІЯ КОВАЛІСКО,

доктор соціологічних наук, професор кафедри соціології історичного факультету Львівського національного університету імені Івана Франка, Львів

СЕРГІЙ МАКЕЄВ,

доктор соціологічних наук, завідувач відділу соціальних структур Інституту соціології НАН України, Київ

**Економіка і соціологія нерівності:
емпіричні свідчення глобальних тенденцій**

Анотація

За останні два десятиліття вимірювання як економічної, так і соціологічної нерівності стало набагато точнішим. Економетрія глобальної нерівності розробляється великими колективами дослідників на матеріалах уніфікованої офіційної статистики та опитувань домогосподарств із застосуванням дедалі витонченіших методів опрацювання великих масивів інформації. Узагальнювальний висновок полягає в тому, що у 80-ті роки минулого століття стався Inequality Turn — розпочався й досі триває період зростання нерівності як у світі загалом, так і в більшості країн. Відсутні емпіричні дані про те, що поглиблення глобальної економічної нерівності супроводжується наростанням глобальної соціальної нерівності. Взаємозв'язок економічної і соціальної стратифікації краще встановлювати й відстежувати на локальному рівні. Трансінституціональність і транскультурність, як і генералізовані усереднення на глобальному рівні, не належать до актуальної компетенції соціології, адже вона була і залишається наукою про відмінності, неоднорідності, ієрархії, що утворюють ту межу, за якою скасовуються її пізнавальні повноваження.

Ключові слова: *глобалізація, економіка нерівності, соціологія нерівності, вимірювання, тенденції*

NATALIA KOVALISKO,

Doctor of Sciences in Sociology, Professor at the Department of Sociology, Ivan Franko National University of L'viv, L'viv

SERHII MAKEEV,

Doctor of Sciences in Sociology, Head of the Department of Social Structures, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv

The Economics and Sociology of Inequality: Empirical Evidence on Global Trends

Abstract

Over the past two decades, techniques for measuring inequality — both from an economic and a sociological perspective — have become far more precise. Nowadays, econometric methods of studying global inequality are developed by large research teams drawing on standardised official statistics along with household survey data, with the use of more and more sophisticated techniques for processing large amounts of information. The main conclusion is that since the 1980s inequality has been increasing in most countries and in the world as a whole — the phenomenon known as the Inequality Turn. However, there is no empirical evidence on whether the deepening of global economic inequality is coupled with the rise of global social inequality. It is easier to determine and trace the relationship between social and economic stratification at a local level. Trans-institutionality and trans-culturality, as well as averaging and generalising at the global level, are outside the field of sociology. Instead, this area of knowledge has dealt with differences, heterogeneity and hierarchies that constitute the boundary beyond which its cognitive powers are abolished.

Keywords: *globalisation, the economics of inequality, the sociology of inequality, measurement, trend*

В текущем столетии систематичность и детальность наблюдения за состоянием неравенства и глобальными тенденциями его изменения в моно- и междисциплинарных разработках несравнимы с теми, какими они были еще три десятилетия тому назад. Не только эксперты, но и общественность о глубине неравенства — и не только о пресловутых 1% и 99% получателей дохода, — равно как и о неблагоприятных для социального целого следствиях из этого, знают как никогда обстоятельно. Чрезмерность и неприемлемость — таковы два слова, внушающие тревогу и транслирующие ее, присутствуя в сообщениях и комментариях на эту тему, призывая к дебатам и подчеркивая необходимость компетентного вмешательства законодателей и правительств — для того, чтобы редуцировать издержки существующего масштаба неравенства. Но пока средства достижения такой цели не вполне ясны и не очевидно, каким образом их сделать отчетливыми и эффективными.

Вместе с тем беспорные успехи экономической науки производны от новых возможностей собирать данные, анализировать и представлять результаты, а впечатляющая активность инновационных работ в данной области имела своим источником ряд обстоятельств. Во-первых, большие массивы удовлетворительно достоверной статистической информации о распределении доходов индивидов и благосостоянии семей были накоплены и постоянно пополнялись в специализированных организациях по их обработке и анализу, таких как WID — World Inequality Database. Во-вторых, подобные банки данных изначально создавались как глобальные, охватывающие как можно больше стран и как можно большие промежутки времени. Отсюда возможность сравнивать ситуации в разных странах и обнаруживать тренды сдвигов или колебаний в распределении доходов. В-третьих, совершенствовались методы агрегации статистической информации и представления (визуализации) получаемых результатов, что демонстрировало возрастающую надежность произведенных наблюдений, а также делало их лучше восприимчивыми в различных по информированности и подготовленности аудиториях. В-четвертых, большие массивы данных обобщались и обобщались в особых научных подразделениях наподобие Лаборатории неравенства в мире (World Inequality LAB) при парижской Высшей школе экономики. На титульных страницах доклада о неравенстве в мире за 2018 год указаны 5 авторов, шесть сотрудников исследовательской группы и девятнадцать авторов статей, на которые опирались его составители. А вообще, сообщается там же, в интерпретации аккумулированных в WID сведений о зарплатах и доходах задействованы сотни ученых. Иначе говоря, наука о глобальном экономическом неравенстве сегодня эффективна еще и вследствие объединения усилий в большой по количеству участников коллаборации, координация работы внутри которой сопряжена с большими сложностями.

Однако в статье, как это заявлено ее названием, рассматриваются исключительно эмпирические свидетельства, предъявляемые экономистами и социологами. Разумеется, когда речь идет о глобальных процессах, разделение дисциплинарных компетенций становится менее жестким: экономист оперирует социологическими категориями, а социолог — экономическими. Тем не менее различия в подходах неустранимы, а выводы далеко не всегда взаимно дополнительные.

Экономика неравенства: упрощения, позволяющие фиксировать динамику

В текущем столетии экономика глобального неравенства утвердилась в качестве дисциплины, поставляющей достоверное знание о несоразмерностях в распределении благосостояния между странами. Необычную по нынешним временам известность обрели, например, работы нобелевского лауреата Д. Стиглица, многократно цитируемые в традиционных и новых средствах массовой информации, упоминаемые в речах и интервью политиков. Или же нелегкий для прочтения фолиант о капитале Т. Пикетти, неявно претендующий на то, чтобы стать для первой половины XXI века тем, чем был для XIX и XX веков первый том на ту же тему К. Маркса. Причина узнаваемости и признания, надо полагать, как в экзотичности явления — *такое* неравенство есть *новость*, так и в ее социальной значимости, не без успеха артикулируемой экспертами разного сорта и привлекающих к ней внимание.

В специализированных кругах не обходится, известное дело, без разногласий относительно того, существует ли такое явление, как “глобальное неравенство”: одни его отрицают, другие признают [Moellendorf, 2009: р. 2–11]. Последних, впрочем, явно больше, а самым известным из тех, кто убеждает, что возможно и необходимо доказательно оперировать данными о глобальном неравенстве, является, безусловно, Б. Миланович, сотрудничавший со Всемирным банком и различными организациями, изучающими динамику доходов в разных странах. В своей последней монографии, недавно переведенной на русский язык [Миланович, 2017], он обсуждает проблемы получения, обработки и интерпретации данных, релевантных для глобального неравенства. Опросы домохозяйств о доходах и потреблении, систематически проводимые во многих странах с середины 80-х годов прошлого века и накапливаемые в Люксембургском исследовании доходов (LIS — Luxembourg Income Study), являются, по его мнению, лучшим инструментом отслеживания динамики неравенств в мире [Milanović, 2016: р. 12–17].

Однако следующие далее констатации заимствованы из более эмпирически ориентированных положений и выводов, содержащихся в трех других источниках. Имеется в виду, прежде всего, доклад о неравенстве в мире 2018 года от World Inequality LAB [Alvaredo et al., 2017], а также последняя прижизненно изданная монография о неравенстве сэра Э. Аткинсона [Atkinson, 2015], памяти которого посвятили свой доклад сотрудники лаборатории при Высшей школе экономики в Париже. В этом же ряду опубликованный Международным валютным фондом доклад наиболее авторитетных в этой области специалистов о теневой экономике в мире [Medina, Schneider, 2018].

Ход вещей вообще крайне редко определяется чьими бы то ни было хотениями и предпочтениями, а в случае неравенства и вовсе не определяется: его продуцирование стихией хозяйственной активности в малой степени поддается регулированию. После Второй мировой войны неравенство сглаживалось, но последние четыре десятилетия (когда в трудовую жизнь вступили почти два поколения людей), начиная с 1980 года, который называют поворотным пунктом — Inequality Turn, разрывы в благосостоянии увеличиваются в большинстве стран мира (но не во всех). Причем такая тенденция не прерывается даже социально-экономическими депрессиями и расстройствами, такими как финансовый кризис 2008 года. Эта тенденция под-

питывается или просто совпала по времени с развитием цифровых технологий, экспансии финансового сектора, индустрии коммуникаций и развлечений, но также с заметным ослаблением роли профсоюзов как представителей интересов наемных работников. Тенденция ощутима, впечатляет постоянством роста и вроде бы безразлична к внешним противодействиям, кем бы таковые ни предпринимались. Складывается небезосновательное убеждение в том, что причины ее неукротимости пребывают за пределами прерогатив и полномочий отдельных государств или их объединений (таких, как Европейский Союз) касательно компенсирования диспропорции в распределении доходов посредством налоговой политики, к примеру.

С таким мрачным и унылым представлением, предпочитая быть мягким оптимистом, дискутирует в своей книге Э.Аткинсон, бывший со-директор Мировой базы данных о доходах (World Top Income Database and WID.world) [Atkinson, 2015: p. 263–299]. У государств, как он полагает, по отдельности и в кооперации с другими есть средства и возможности для того, чтобы влиять на формирование благосостояния граждан и семей, сглаживая имеющиеся и эмерджентные диспропорции в потреблении и доступности жизненно важных благ, однако модальность итоговых эффектов предсказуема в малой степени. В работе Аткинсона предложены 15 экономических и организационных мер по сопряжению действий частного сектора, власти, партий, профсоюзов, гражданского общества, направленных на сокращение неравенства в “следствиях” (доходах), нынешний уровень которого несовместим с принципами либеральной демократии и социально ориентированного государства [Atkinson, 2015: p. 303–304].

Эти меры вытекают из многолетних экономико-статистических наблюдений Э.Аткинсона за тенденциями стратификации благосостояния в разных странах и на больших промежутках времени. Основным показателем неравенства остается коэффициент Джини, вычисляемый на основе прозрачной официальной статистики о начисленной заработной плате, выплаченных налогах, отчислениях в пенсионный фонд, полученных индивидами субсидиях. Для наглядности в рисунках он использовал и другие показатели, увеличивавшиеся с 1980 года: доля живущих за чертой бедности, доля дохода 1% самых высокооплачиваемых, доля дохода 10% самых высокооплачиваемых в процентах к медиане заработной платы [Atkinson, 2015: p. 18–19]. Получаемый доход (индивидуальный или домохозяйства) служит основанием для классификации конкретных категорий, составляющих децили (по 10%), или более крупных, что зависит от задач анализа или того, как представлены данные.

Проблемы и трудности с измерением коэффициента Джини остаются в ведении эконометрии; социологам достаточно знать, что он представляет собой упрощение, приемлемо приближительную оценку, которую не стоит принимать за “точное и объективное положение дел”. Приемлема же она постольку, поскольку позволяет констатировать некие тенденции и состояния, а также изыскивать способы сокращения неравенства. И тогда вступают в силу новые ограничения на моделирование экономических процессов — необходимость выяснить, какие из многих десятков переменных влияют одновременно и в каком направлении (одном или разных) на образование/воспроизводство неравенства.

Простая иллюстрация проясняет возникающие затруднения. Констатировано, что неравенство может быть большим при быстром росте валового национального продукта (как в Китае и Индии), но практически не изменяться при умеренном — как в Ирландии или Польше в нулевые годы текущего столетия. Не очевидно и влияние более раннего выхода на пенсию на эффективность труда индивидов. Принято полагать, далее, что повышение минимальной заработной платы стимулирует индивидов вкладывать в свою квалификацию [Atkinson, 2015: р. 256–261], но эмпирических подтверждений практически нет. Другими словами, однозначные утверждения относительно причин неравенства, его актуального состояния и перспектив сокращения должны вызывать подозрение и ставиться под сомнение.

Последний из опубликованных World Inequality LAB докладов представляет собой 300-страничный документ из пяти частей. От целей и задач проделанной работы, проблем измерения неравенства, анализа состояния и тенденций в отдельных странах до перспектив его сокращения в будущем. Новым в подходе к анализу неравенства авторы считают комбинацию статистической информации базы данных WID.world о национальном доходе, доходах индивидов, результатах обследования домохозяйств, налоговой политике, классификациях по доходам, аккумуляции капитала, структуре собственности, политике национализации или приватизации [Alvaredo et al., 2017: р. 23, 32, 36]. На графиках доклада чаще всего фигурируют блоки стран и отдельные страны с быстро растущей экономикой или глубоким неравенством: Бразилия, Индия, Китай, Россия, США, Европа (иногда без Беларуси, России, Украины, иногда включая их), страны Ближнего Востока, Африка. В качестве показателей глобального неравенства использовались доля общего дохода, приходящаяся на 10%, 20% (реже — 1%) высокооплачиваемых, а также на 50% (реже — 90%) низкооплачиваемых. При этом авторы отказались применять индекс Джини в качестве индикатора глобального неравенства [Alvaredo et al., 2017: р. 27–28]. Данных по Украине доклад не содержит.

Основные выводы сводятся к следующему [Alvaredo et al., 2017: р. 286–289]:

- с 1980 года неравенство по доходам быстро углублялось в США и Азии, умеренно — в Европе, и оставалось стабильным при значительных диспропорциях в доходе на Ближнем Востоке, в Южной Африке и Бразилии. Различия в темпах объясняются влиянием внутринациональных регуляторных институтов;
- доля богатства, приходящаяся на 1% наиболее обеспеченных, увеличилась с 28% в 1980 году до 33% в настоящее время;
- экономическое неравенство между странами несколько уменьшилось, но внутри практически всех стран возросло;
- наибольший вклад в состояние и динамику неравенства вносят Бразилия, Индия, Китай, Россия, США;
- подобная динамика связана с увеличением частного сегмента в экономике;
- экономическое неравенство остается важнейшим фактором стратифицированного доступа к высшему образованию.

Симптоматично, что изучающие глобальное неравенство воздерживаются квалифицировать свои заключения и констатации в качестве безоговороч-

ной фактичности: им ясна неполнота исходных данных, равно как и невозможность корректно измерить силу влияния отдельных факторов на итоговую стратификацию благосостояния стран, семей и индивидуальных доходов. В частности, не принята единая для большинства стран методика сбора соответствующей статистической информации, что выводит из анализа те государства, в которых такая методика отсутствует. Не создан, далее, приемлемый алгоритм сочетания макроэкономических показателей (политика национализации и приватизации, накопления капитала, государственного долга) с микроэкономическими — индивидуальными зарплатами, получаемыми субсидиями, долгами индивидов банкам и кредитным организациям, самообеспечением продуктами. А в опросах домохозяйств приходится мириться с явной недооценкой благосостояния не только наиболее богатых, которые отказываются отвечать на вопросы анкеты, но и тех, кто получает переводы денежных средств от работающих за рубежом родственников, о чем не принято требовать отчета в статистических обследованиях. И уж тем более остается абстрагироваться от влияния перераспределения криминально добытых доходов, коррупции или, из последних веяний, майнинга криптовалют. К тому же в соответствующих публикациях принято оперировать только официально представляемыми (прозрачными) данными, не принимая во внимание то ли уравнивающие, то ли углубляющие неравенство доходы индивидов от теневой экономики (не наблюдаемой, не зарегистрированной).

С помощью самостоятельно разработанных методик оценку масштабов теневого сектора, факторов его расширения или рестрикции дают различные организации. Министерство экономического развития и торговли Украины, регулярно проводя соответствующие калькуляции, в последние два года сообщает о цифре в 1/3 ВВП: 33–35%. Несколько иные расчеты представлены Ассоциацией дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА). В докладе о перспективах сокращения теневой экономики в мире она предвещает сокращение с сегодняшних 23% до 21% к 2025 году, тогда как две трети опрошенных ею экспертов убеждены в том, что она увеличится. Среди 28 стран, для которых собирались исходные данные, в Украине размер теневой экономики по этим вычислениям составляет 46% от ВВП. Больше только в Азербайджане (67%) и Нигерии (48%), тогда как в Польше — 24%, в России — 39% [АССА, 2017: р. 13].

Наиболее известным знатоком и консультантом по данному вопросу является Ф.Шнайдер, профессор экономического факультета университета Линца. В совместном с Л.Мединой докладе (158 стран, усредненные данные с 1991 по 2015 год) подробно описана разработанная ими методика вычисления вклада неформальной экономической активности в создание национального продукта, сопоставляются результаты обнаружения ее различными способами на основе статистической информации, а попутно еще и в массовых и экспертных опросах. Достоинства и ограничения метода способны увлечь, будучи понятными, исключительно тех, кто искушен в математико-экономической статистике. Для остальных интересны, главным образом, заключительные констатации. Разумеется, неодинаковые методы, в том числе используемые национальными статистическими ведомствами, дают отличающиеся результаты: иногда разница в оценках велика, иногда незначительна. Для Украины средний за 25 лет масштаб незарегистрированной экономики, рассчитанный по созданной авторами доклада методи-

ке, составляет 45% (медиана 43%, минимум 37%, максимум 57%), что близко к оценке АССА, а минимум не очень разнится с оценкой Минэкономразвития Украины для последних лет. Среди 158 стран только в 16 он больше, в Беларуси и Анголе такой же, в Польше — 25%, в России — 38% [Medina, Schneider, 2018: p. 50–54].

Некоторые кратко- и долгосрочные выгоды и издержки теневой активности для индивидов вполне очевидны и названы в цитируемых источниках. Среди явно позитивных выгод неуплата налога на заработок, то есть увеличение индивидуального дохода. Но труд в “тени” — это всегда игра по нелегальным правилам, личностно оправдываемое, добровольное вступление в коллизию с действующими правовыми нормами, что может быть по душе не всем и не каждому. Кроме того, это означает отказ от инвестиций в свое будущее в виде отчислений на пенсию, исключение из прав на защиту своего статуса профсоюзом, отсутствие доступа к ряду благ — оплачиваемый отпуск, больничные, страховки. Косвенным следствием оказывается и поддержка минимизации государственного финансирования образования и здравоохранения вследствие уклонения от уплаты налогов, фактически это отказ инвестировать в лучшее качество жизни для работающих сейчас и тех, кто придет им на смену.

Совокупность данных о степени неравенства и величине ненаблюдаемой экономической активности, полученных на разных показателях и отличающимися методами, образует калейдоскопический конгломерат, в котором каждая картинка, отличаясь от прочих и не претендуя на безусловную подлинность, все же подтверждает общую направленность. Вместе с тем на вопрос о том, как к этим данным относиться, имеется простой ответ: принимать во внимание. Хотя бы потому, что они измерены со всей доступной на сегодня тщательностью и не оставляют сомнений в правдоподобности имеющих трендов. Однако высказываемые суждения о влиянии теневой экономики на неравенство крайне осторожны — оно минимально в Австрии, Швейцарии и США, где “тень” незначительна, и заметно больше в Украине и африканских странах. Осторожность вполне оправданна, поскольку не удастся выявить модальность возможных эффектов (усиление или нивелирование степени стратифицированности) с помощью наличных методологических средств и измерительных техник.

Итак, три основных вывода следуют из результатов измерений глобального экономического неравенства. Во-первых, доход и благосостояние отнюдь не элементарные, но затейливые образования, количественное выражение которых требует введения заметных упрощений и ограничений. Но совершенствование инструментов и приемов замеров позволяет явственно прибавлять в обоснованности и достоверности выносимых оценок. Во-вторых, выявляемая динамика не линейна: периоды нивелирования неравенства в финансовых возможностях индивидов удовлетворять свои многообразные потребности сменяются периодами его углубления. Об их длительности и перспективах смены одного другим нельзя сказать ничего определенного. В-третьих, доминантная тенденция складывается из неодинаковой интенсивности и разной направленности процессов стратификации в пределах национальных государств. Вклады локальных отклонений в глобальный результирующий вектор неодинаковы и в значительной степени обусловлены культурными, институциональными, социально-экономическими факторами.

Социология неравенства: озадачивающая сложность объекта

То, что “вещи мира людей”, то есть некие объективации социальных отношений и взаимодействий эволюционируют во времени, в социологии показал Э.Дюркгейм: испытывая сильнейшее воздействие национальной культуры и характера социальных институтов конкретного общества, они волнообразно изменяют собственные статус, характеристики, параметры. Его исследование самоубийств организовано именно так — во временной и сравнительной перспективе, с привлечением исторических, экономических, статистических фактов. Но социология глобального неравенства первые концептуальные очертания обрела, пожалуй, в книге П.Сорокина “Social Mobility” 1927 года. Стратификация описана там как составная конструкция из трех измерений: доход, власть, профессия. Мобильность совершается между позициями в каждом измерении, а значит, ее можно зафиксировать и выразить количественно то ли фиксированным числом, то ли шансом переместиться между иерархизированными позициями. На большом сравнительном материале П.Сорокин показал, что в глобальной перспективе мобильность не имеет тенденции — в разные периоды и в разных государствах она то затухает, то ускоряется, становясь показателем пульсации состояний неравенства вследствие экономико-технологических изменений, институциональной и социально-культурной динамики.

В фазе после 1980 года, фазе “Inequality Turn”, выделим четыре относительно автономных и частично пересекающихся сегмента в том, что выказывает и определяет себя в качестве социологии глобального неравенства: концептуальное конструирование объекта, именуемого глобальным неравенством (А); измерение мобильности, имея в виду традиционную социальную мобильность, а не “новую парадигму мобильности”, развиваемую в последнее время [Adey et al., 2014] (Б); сравнительные исследования множественных форм неравенства (В); изучение восприятия неравенства (Г).

Бесспорно, достижения социологов в примечании и отслеживании динамики неравенства гораздо более скромны по сравнению с экономистами и не имеют такого публичного резонанса [Макеев, Ковалиско, 2017: с. 27–29]. Промежуточным подведением итогов соответствующих разысканий стал XVIII конгресс Международной социологической ассоциации (ISA), состоявшийся в июле 2014 года в Йокогаме и полностью посвященный неравенству — “Facing an Unequal World. Challenges for Global Sociology”. Четыре основных докладчика задавали — стоит полагать — перспективы релевантного ответа на вызовы неравного мира. Сдававший свои президентские полномочия в ISA М.Буравой говорил о роли социальных движений в отведении угроз гражданскому обществу со стороны доминирующих рыночных отношений [Bugawo, 2015], Г.Тёрборн — об “убивающих полях” неравенства, Г.Стэндинг — о новых тенденциях в занятости и формировании прекариата, а Э.О.Райт — о том, какие формы самоорганизации граждан способны уменьшить деформирующее и разлагающее воздействие экономического неравенства.

Г.Тёрборн плодотворнее других, думается, работал над составлением понятийного словаря описания такого непростого явления, как глобальное неравенство [Тёрборн, 2005; Therborn, 2013]. Он считает, что социологию от экономики в данном отношении отличает сосредоточенность на трех его ви-

дах. Имеется в виду витальное неравенство — отличия в здоровье, продолжительности жизни, смертности между различными категориями граждан. Далее, экзистенциальное неравенство — асимметричное распределение признания, уважения, унижения, дискриминации. Наконец, неравенство в доступе к дефицитарным благам и ресурсам — образованию, отдыху, правам человека, безопасности, доходу. А проявлениями оказываются дистанцирование (кто-то впереди, кто-то сзади), эксклюзия, иерархия, эксплуатация. При этом социологи концентрируют внимание на неравенствах между категориями по полу, возрасту, территориям проживания, типам поселения, между профессиями и классами [Тёрборн, 2005: с. 35; Therborn, 2013: ch. 6]. Менее образованные и квалифицированные мужчины и женщины, исключенные из отношений власти, из участия в распределении дохода от экономического роста, находящиеся на нижних ступенях иерархической пирамиды, — все они болеют чаще, умирают раньше, у них рождаются менее здоровые дети, они живут в городских районах, где выше шанс подвергнуться насилию. В этом смысле неравенство “убивает”. В подтверждение в книге приводятся данные статистики по странам, результаты обследований домохозяйств и лонгитюдных опросов населения.

Поскольку каждый вид неравенства состоит из множества элементов, перечень которых не установлен и открыт для пополнения, постольку в исследовании приходится ограничиваться анализом лишь некоторых. И потому в социологии вряд ли возможны высказывания относительно динамики неравенства в целом. Констатации Г.Тёрборна применительно к отдельным видам таковы: витальное неравенство сокращалось в 1945–1990 годах, каковой процесс прерывается распространением СПИДа в Африке и становлением капитализма в постсоветских странах; экзистенциальное неравенство уменьшалось, хотя неравномерно и непоследовательно — по мере упадка институционализированного расизма и нетерпимости к меньшинствам; с доступом к ресурсам все происходит неоднозначно: стратификация в доходах происходила так, как иллюстрируют экономисты, мобильность обуславливалась структурными факторами, но динамика общей подвижности не выразительна, а доступ к образованию, престижным статусным позициям на рынках занятости продолжал зависеть от социального происхождения.

Иной, неальтернативный ракурс социологического исследования глобального неравенства на сравнительной статистике и данных обследований населения представлен в емкой монографии М.Халлера [Haller, 2015]. Подлежащая объяснению и пониманию проблема формулируется в его работе так: каким образом классовая структура, система стратификации и национальный состав (этническое разнообразие) детерминируют экономическое неравенство (диспропорциональное распределение социально-экономических ресурсов и привилегий) в разных странах. Причем в фокусе исследования находится именно национальный состав. С привлечением разнообразных техник статистического анализа было констатировано, что в моноэтнических государствах неравенство меньше, чем в полиэтнических, а состояние неравенства корректируется институтами — государством, типом политической организации, идеологией (ансамблем правил и принципов легитимации равенства/неравенства), религией [Haller, 2015: ch. 3–5].

Измерение мобильности (второй сегмент) традиционно связывается с иницированными в середине 70-х годов прошлого века Дж.Голдторпом

сравнительными исследованиями подвижности населения. Разработанные им с коллегами методика и классовая схема (совокупность неоднородных позиций на рынках занятости) стали частью Международного проекта социального исследования (ISSP, более сорока стран-участниц), а также Европейского социального исследования (ESS, до 30 стран с 2001 года). Наряду со схемами Э.О.Райта и Г.Эспин-Андерсена упомянутой схемой оперируют в изучении многообразных неравенств в установках, оценках, ценностях, предпочтениях, включенности [Симончук, 2007; Симончук, 2010; Симончук, 2014]. Дж.Голдторп, к слову, убежден, что о социологии неравенства как таковой имеет смысл говорить там, и только там, где в качестве основания фигурирует класс. Жесткое ограничение, отказывающее в социологичности едва ли не большинству публикаций в журналах соответствующего профиля, в названии которых упоминается неравенство.

Социология мобильности со времен П.Сорокина стала доказательнее, и Дж.Голдторп по-прежнему знает об этом больше других. Ныне данные собираются в репрезентативных обследованиях по единой методике, что позволяет накапливать их с некоторой периодичностью, выявляя тренды в подвижности населения. Гораздо точнее фиксируются сведения, сообщаемые респондентом о занимаемой им трудовой позиции и рабочих функциях, а в сравнительных опросах применяются унифицированные шкалы. Заметно дифференцированное стала концептуализация социальной подвижности (меж- и внутригенерационная мобильность, абсолютная и относительная, структурная и обменная), что, в свой черед, потребовало обращения к более сложным техникам статистического анализа [Goldthorpe, 2005: p. 59–63].

Проведенные национальные и сравнительные наблюдения за мобильностью позволили достоверно зафиксировать определенные эмпирические регулярности. Прежде всего, эндогенные режимы мобильности остаются относительно стабильными в национальных обществах, ускорение или замедление подвижности оказывается ненаправленным и незначительным. Более того, эндогенные режимы мобильности похожи в разных странах, а отличия обусловлены институциональными и культурными факторами преимущественно. Вариации в абсолютной мобильности обусловлены структурными факторами, а образование остается важнейшим медиатором мобильности — его влияние константно. Связь между происхождением, образованием и профессиональными достижениями стабильна, она слабее для выходцев из высших классов и сильнее для выходцев из низших [Goldthorpe, 2005: p. 63–65]. К аналогичным выводам на основе сравнительных данных для европейских стран пришел П.Роберт, опубликовав их в обстоятельном справочнике “Европейское общество” и отметив тренд к сближению (конвергенции) национальных паттернов и интенсивности мобильности [Robert, 2010: p. 533].

Литература о сравнительных исследованиях множественных форм стратифицированности обществ (третий сегмент в социологии глобального неравенства) практически необозрима. Она едва ли не естественно подразделяется на две большие области. В одной в качестве независимой переменной используются показатели экономического неравенства, а зависимыми переменными выступают данные о смертности, рождаемости, состоянии здоровья, миграции, преступлениях, самоубийствах, жизненных шансах и возможностях, доступности социальных благ, карьер на рынках занятости,

возрасте, гендере, образовании, профессии. Обнаружилось, в частности, что далеко не всегда заметное неравенство в доходах ведет к политическим конфликтам или негативно сказывается на субъективном чувстве благополучия (well-being) или счастья: его возможное негативное влияние ощутимо ослабляется социальными институтами богатых и благополучных стран [Haller, 2015: p. 7–8, 23]. В то же время Т. Панек на материалах Европейского социального исследования (ESS) выявил высокую корреляцию между уровнем экономического неравенства и неравенством в личном и персональном благополучии. Стратификация по чувству благополучия меньше в более экономически эгалитарных европейских странах и значительно больше в странах с высоким показателем коэффициента Джини или децильных коэффициентов [Panek, 2015: p. 27–52].

Во второй области независимыми переменными являются классы, статусы, гендер, возраст, национальность, раса, уровень образования, региональные, территориальные, поселенческие общности, а зависимыми — неоднородность многообразных условий и обстоятельств совместной жизни людей. Составляются сборники, под обложкой которых собраны материалы о классовом, гендерном, этническом неравенстве в разных странах и в названии которых фигурирует определение “в сравнительной перспективе” [Devine, Waters, 2004; Kurz, Blossfeld, 2004]. Кроме того, серия публикаций под общей шапкой “Studies on Social Inequality” выпускается под редакцией Д. Граски и П. Инглэнд (D. Gruski, P. England) Стэнфордским Центром исследований бедности и неравенства (Stanford Center for the Study of Poverty and Inequality). Множественность форм неравенства естественно вводит в оборот метафору “паззла”, который лишь постепенно собирается, оставаясь открытым для дополнений в соответствии с дифференциацией настроений и устремлений исследователей [Suter, 2009; Berger et al., 2010].

Два номера Международного журнала сравнительной социологии (International Journal of Comparative Sociology) (№ 50 за 2009 год и № 51 за 2010) содержат 8 статей о взаимосвязи глобализации и неравенства. Однако тщетно искать там заключений о динамике глобального неравенства. Научное сообщество пытается уяснить взаимосвязь между глобализацией и различными внутренне стратифицированными типами социально-экономического, социально-культурного и социально-политического устройства национальных сообществ. В них обсуждаются четыре основные темы: пространственно-временные вариации глобального влияния на неравенство; относительная значимость процессов глобализации и регионализации в изменении состояний неравенства; влияние технологических изменений на неравенство; институциональные вариации в динамике экономического неравенства в глобальной перспективе [Suter, 2010: p. 244]. Статьи вовсе не претендуют на то, чтобы репрезентировать проблематику глобального социального неравенства, и в них точно отсутствует намерение количественно оценить тенденции его воспроизводства.

В последнее десятилетие на страницах того же журнала регулярно анализируются проблемы иммигрантов и отношение к ним в Северной Америке и Европе, напоминая о существовании эссе о “чужаках” Г. Зиммеля и А. Шюца. Неравенство между коренными жителями, с одной стороны, и плохо интегрированными в культуру принимающей страны трудовыми мигрантами, “дешевыми приглашенными рабочими” и незваными при-

шельцами — с другой, резко обострилось, а система ценностей и правила поведения новоселов в первом и втором поколениях ставят под сомнение (а такое сомнение оскорбительно) идентичность исконных насельников. Шансы и возможности получить доступ к ресурсам жизнеобеспечения у новых граждан и претендентов на гражданство оказываются неизменно ниже, чем у европейцев и североамериканцев, что культивирует чувства дискриминации, исключения, несправедливости [Davidov, Semyonov, 2017].

Другими словами, в последние несколько лет в связи с миграционным кризисом глобальное “экзистенциальное неравенство”, по Г.Тёрнборну, скорее углубляется, чем сглаживается, явно подпитывая националистические настроения в населении и политических элитах. Но пока что отсутствуют убедительные эмпирические свидетельства в подтверждение/опровержение одной из трех гипотез о причинах новой волны миграции: то ли она поднята существующим глобальным экономическим неравенством, то ли вызвана военными конфликтами на Ближнем Востоке, в Африке и Европе, то ли есть следствием причудливой комбинации первых двух причин. Не очевидно, к тому же, как возможны подобные эмпирические свидетельства.

Четвертый сегмент в социологии глобального неравенства — восприятие и оценка индивидами степени стратифицированности конкретного общества. Имеется в виду, что неравенство присутствует в виде знаков и символов иерархических порядков власти, престижа, статуса, благосостояния, стиля жизни. Во всяком случае, их можно “видеть и ощущать”, благодаря им неравенство обладает бесспорным свойством тактильности, а индивиды, вольно или невольно сканирующие неоднородную реальность, предъявляют свои ощущения и впечатления в ситуации опроса или глубинного интервью. Неравенство, как это убедительно диагностировано, различными путями проникает под кожу, формируя определенные эмоциональные состояния — стыд, зависть, смятение, предубеждение [Wilkinson, Pickett, 2010: p. 31–72]. Но подъем неравенства в “дух”, в терминологии Уилкинсона и Пикетт, включает механизмы психологической защиты, не допускающие безнадежной девальвации оценок индивидами собственного социального статуса.

Опираясь на блок “социальное неравенство” Международного проекта социального исследования (ISSP) 2009 года, сомнения и перспективы, связанные с тем, как интерпретировать соответствующие эмпирические данные, детально обсуждают в работах о неверно представляемом неравенстве В.Гимпельсон и Д.Трейсман, а также С.Ирвин [Gimpelson, Treisman, 2015; Irwin, 2018]. Неверно потому, поясняют исследователи, что респонденты в подавляющем большинстве высказывают суждения и предъявляют настроения относительно того, что не знают достоверно, каков именно разрыв между самыми высоко- и низкооплачиваемыми работниками, какова средняя зарплата в профессиях, каков порог бедности в стране и прочее.

В результате мнения распределяются в широком диапазоне от “переоцененного неравенства” с сопутствующим ему требованием перераспределения доходов и констатацией конфликта между “богатыми” и “бедными” до “недооцененного неравенства”. Причем в Украине практически все “переоценивают” неравенство (см.: [Gimpelson, Treisman, 2015: p. 2, 5–7]). В большинстве стран люди убеждены в росте неравенства даже тогда, когда статистика приводит свидетельства его сокращения. И, напротив, масштабное неравенство может трактоваться респондентами спокойно, с умеренной арти-

куляцией требований перераспределять доходы, как это происходит в США. Как бы то ни было, но чувствительность к неравенству неравномерно распределена по странам и континентам. Однако не приходится — да это и бессмысленно — упрекать респондентов в некомпетентности. Напротив, у них есть свои резоны и о них кое-что известно.

Используемый теми, кто пытается выявить и описать паттерны распознанного индивидами неравенства, методический прием вполне корректен: сравнить восприятие с тем, что вычислено со всей возможной научной придирчивостью. Вместе с тем нельзя сказать, будто социологи ясно представляют, каковы именно локальные особенности “воспринятого неравенства”, что тут суммируется, а что вычитается. Чаще всего говорят о том, что во внимание следует принимать влияние референтной группы респондента и современных медиа, транслирующих образы богатства и преуспевания знаменитостей, нередко воспринимаемые как “роскошества, неумеренность” современного капитализма. Признается определяющее воздействие культуры, в которой поверх национальных отличий присутствует универсалия в виде абстрактной ценности справедливости.

Сказываются, безусловно, и установки людей на то, чтобы представлять себя и видеть себя не хуже других: в опросах самой большой оказывается доля респондентов, предпочитающих средние пункты шкалы в анкете при ответе на вопрос об их собственной позиции в обществе [Gimpelson, Treisman, 2015: р. 25–26; Berger et al., 2010: р. 159–160]. Кроме того, эмпирически подтверждена зависимость оценок неравенства от ситуации, в которую погружен индивид; некоей констелляции обстоятельств места и времени, обуславливающей меру доступности жизненно значимых благ и возможностей. Ее переживание и осмысление отслаивается в опыт, предопределяющий модальность лично выносимых ценностно окрашенных суждений [Irwin, 2018; Norton, 2014]. В общем, хотя восприятие неравенства и не совпадает с “реальностью”, оно остается значимым безотносительно к нему постольку, поскольку способно быть ближайшим мотивом политического действия — протестного голосования на выборах, участия в акциях с требованием изменения существующего положения дел с доходами и благосостоянием.

Международный проект социального исследования (ISSP) остается наиболее глобальным и надежным источником данных о перцепции стратификационных порядков, а сравнение четырех уже проведенных волн (1987, 1992, 1999, 2009 годов) является предметом изучения и подготовки публикаций [Edlund et al., 2017]. В качестве примера сошлемся на работу Ч. Меравильи в указанном выше сборнике о субъективно ощущаемой мобильности и действительно случившейся или не случившейся. Имеется в виду сравнение социальной позиции детей и позиции родителей, а также то, что происходит с движением между позицией по происхождению и актуально занимаемой респондентом позицией на момент опроса в разных странах и с течением времени [Meraviglia, 2017]. Используемые в ISSP показатели позволяют кодировать их в крупные агрегации в виде классов или в категории по профессиям, то есть довольно аккуратно идентифицировать.

В реферируемом тексте в качестве позиций был избран код профессий по ISCO-88, пересчитанный в очки международного социально-экономического индекса (ISEI). Сравнение 27 стран показало, что происхождение остается стабильным предиктором достижения определенных социальных

позиций, и сколько-нибудь заметных сдвигов в таком предопределении не наблюдается. Если неравенство происхождения воспроизводится в неравенстве достижений, то мир в целом не видится и не может быть представлен более открытым или универсальным в проекциях статусной и образовательной мобильности. В то же время степень близости между совершенной мобильностью и восприятием мобильности в широких пределах варьирует от страны к стране. В Европе и Северной Америке ассоциация между совершенным и ощущаемым перемещением сильнее, чем в Южной Америке и Китае. Однако объяснение того и другого остается делом будущего [Mera-viglia, 2017: p. 29–30].

В том, как респонденты в разных странах с равным или различным уровнем неравенства в доходах и благосостоянии неодинаково оценивают состояние неравенства, есть объяснимое и понятное, но также требующее изучения. Л. Малыш в модуле ISSP отобрала 20 показателей для основательного анализа подобия и отличий в восприятии неравенства, объединяя страны в кластеры методом межгрупповых связей и представляя результаты в виде дендрограмм. Самые первые получаемые кластеры очевидны: в них входят страны с близким уровнем социально-экономического развития. Так, на данных 2009 года сразу же образуются кластеры из двух стран: Австралия и Великобритания, Бельгия и Швейцария, Эстония и Латвия, Норвегия и Швеция. Последующие итерации “стирают” имеющиеся различия в perceptions и оценках, не поддаются поспешной интерпретации, требуя дополнительных разысканий, осуществимость которых неопределенна. Украина, как видно на дендрограмме, присоединяется последней, образуя отдельный случай, сингулярность [Малиш, 2011: с. 115].

В. Гимпельсон и Д. Трейсман констатировали, что при умеренной величине коэффициента Джини украинцы массово сообщают о глубоком неравенстве — поверх классовых, статусных, образовательных, региональных различий. Ссылка, к примеру, на большую “теневую экономику” ничего не поясняет: никто не ведает, увеличивает ли она неравенство в доходах или нивелирует или как сказывается на остроте “тактильного” ощущения неравенства. Подобное неведение имеет коррелятом тривиальное следствие: внимательно разбираться необходимо как с институциональной аранжировкой воспроизводства экономического неравенства, так и с его специфическим восприятием. Иначе говоря, сосредоточиваться на локальном с целью понять его ситуацию в глобальном. И тогда проблема вовсе не в том, “верно” или “не верно” осознается неравенство, но в том, какие факторы формируют ту оптику, посредством которой стратификация опознается и оценивается респондентами, находящимися в разных точках иерархически учрежденного пространства и воспринимающих целое в разных ситуациях — в нетождественных ракурсах и перспективах.

Выводы

1. Отсутствуют эмпирические свидетельства того, что углубление глобального экономического неравенства сопровождается нарастанием глобального социального неравенства. Взаимосвязь экономической и социальной стратификации лучше устанавливается и отслеживается на локальном уровне.

2. Запрет на предельные генерализации социологических измерений налагается не поддающимся сглаживанию различиями между странами в институциональном и культурном контекстах репликации стратифицированных порядков. Трансинуституциональность и транскультурность не входят в актуальную компетенцию социологии. Она была и остается наукой о различиях, неоднородности, иерархиях, образующих тот предел, за которым отменяются ее познавательные полномочия.

3. Две неоднородные группы проблем являются основными в социологии глобального неравенства. Во-первых, неравнозначные проекции экономического неравенства на различные аспекты совместной жизни людей. Во-вторых, выявление зависимости экономического неравенства от социальных институтов и культуры конкретных обществ.

4. Статусная и образовательная мобильность не коррелируют с динамикой экономического неравенства.

5. Тестирование восприятий на точность соответствия неким “объективным” показателям хоть и представляет интерес, но не информативно вследствие вводимых упрощений при измерениях “реального положения дел” с экономическим неравенством.

6. Восприятие неравенства гражданами, в особенности сингулярное восприятие, как в Украине, уведомляет о дефектах в социально-экономическом механизме формирования доходов и благосостояния граждан.

Источники

Макеев, С., Коваліско, Н. (2017). Глобальний і локальний діалект нарративу про нерівність. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4, 22–36.

Малиш, Л. (2011). Спільне та відмінне у сприйнятті соціальної нерівності населенням різних країн. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4, 97–120.

Миланович, Б. (2017). *Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации*. Москва: Институт Гайдара.

Симончук, Е. (2007). Классовые структуры в сравнительной перспективе. В Е. Головаха, С. Макеев (Ред.), *Украинское общество в европейском пространстве* (с. 33–104). Киев: Институт социологии НАН Украины.

Симончук, О. (2010). Класова свідомість: досвід порівняльного емпіричного вивчення. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4, 56–84.

Симончук, О. В. (2014). Класові позиції та класові ідентичності: аналіз взаємозв'язку. *Наукові записки НАУКМА. Соціологічні науки*, 161, 46–55.

Тёрборн, Г. (2005). Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения. *Социологическое обозрение*, 4 (1), 31–62.

Adey, P., Bissel, D., Hannam, K., Merriman, P., Shiller, M., (Eds.), (2014). *The Routledge Handbook of Mobilities*. London: Taylor & Francis.

Alvaredo, F., Chancel, L., Piketty, T., Saez, E., Zucman, G. (2017). *World Inequality Report 2018*. Paris: World Inequality Lab. Retrieved from <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>.

Atkinson, A. B. (2015). *Inequality: What Can Be Done?* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Berger, R., Grusky, D., Raffel, T., Samuels, G., Wimer, C. (2010). *The Inequality Puzzle: European and US Leaders Discuss Rising Income Inequality*. Berlin: Springer.

Burawoy, M. (2015). Facing an Unequal World. *Current Sociology*, 63 (1), 5–34.

Davidov, E., Semyonov, M. (2017). Attitudes Toward Immigrants in European Societies. *International Journal of Comparative Sociology*, 58 (5), 359–366.

Devine, F, Waters, M. C., (Eds.), (2004). *Social Inequalities in Comparative Perspective*. Oxford: Blackwell Publishing.

Edlund, J., Bechert, I., Quandt, M., (Eds.), (2017). *Social Inequality in the Eyes of the Public: A Collection of Analyses Based on ISSP Data 1987–2009*. Cologne: GESIS – Leibniz Institute for the Social Sciences (Schriftenreihe Band 17).

Emerging from the Shadows. The Shadow Economy to 2025 (2017). ACCA research report. Retrieved from http://www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy-report.pdf.

Gimpelson, V., Treisman, D. (2015). Misperceiving Inequality. *NBER Working Paper Series, Working Paper 21174*. Cambridge, MA: The National Bureau of Economic Research. Retrieved from <http://www.nber.org/papers/w21174>.

Goldthorpe, J. H. (2005). Progress in Sociology: The Case of Social Mobility Research. In S. Svallfors (Ed.), *Analysing Inequality. Life Chances and Social Mobility in Comparative Perspective* (pp. 56–82). Palo Alto, CA: Stanford University Press.

Haller, M. in collaboration with Eder, A. (2015). *Ethnic Stratification and Economic Inequality Around the World. The End of Exploitation and Exclusion?* London: Taylor & Francis.

Irwin, S. (2018). Lay Perceptions of Inequality and Social Structure. *Sociology*, 52 (2), 211–227.

Kurz, K., Blossfeld, H-P. (Eds.), (2004). *Home Ownership and Social Inequality in Comparative Perspective*. Palo Alto, CA: Stanford University Press.

Medina, L., Schneider, F. (2018). Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? *IMF Working Papers, WP/18/17*. Washington: International Monetary Fund.

Meraviglia, C. (2017). The Social Ladder. Status Mobility Across Time and Countries. In J. Edlund, I. Bechert, M. Quandt (Eds.), *Social Inequality in the Eyes of the Public: A Collection of Analyses Based on ISSP Data 1987–2009* (pp. 13–33). Cologne: GESIS – Leibniz Institute for the Social Sciences (Schriftenreihe Band 17).

Milanović, B. (2016). *Global Inequality. A New Approach for the Age of Globalisation*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Norton, M. (2014). Mechanisms and Meaning Structures. *Sociological Theory*, 32 (2), 162–187.

Panek, T. (2015). Subjective Personal and Social Well-Being in European Countries. In P. Sztabiński, H. Domański, F. Sztabiński (Eds.), *Hopes and Anxieties in Europe: Six Waves of the European Social Survey* (pp. 27–52). Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH.

Robert, P. (2010). Stratification and Social Mobility. In S. Immerfall, G. Therborn (Eds.), *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century* (pp. 499–536). New York: Springer.

Suter, C. (2009). Inequality Beyond Globalisation. Searching for the Missing Pieces of the Puzzle: Introduction to Special Issue. *International Journal of Comparative Sociology*, 50 (5–6), 419–424.

Suter, C. (2010). Globalisation, Economic and Social Transformation, and Inequality: Introduction to Special Issue. *International Journal of Comparative Sociology*, 51 (4), 243–245.

Therborn, G. (2013). *The Killing Fields of Inequality*. Cambridge: Polity Press.

Wilkinson, R., Pickett, K. (2010). *The Spirit Level. Why Greater Equality Makes Society Stronger*. New York: Bloomsbury Press.

Материал получен 03.07.2018

References

Adey, P., Bissel, D., Hannam, K., Merriman, P., Shiller, M., (Eds.), (2014). *The Routledge Handbook of Mobilities*. London: Taylor & Francis.

Alvaredo, F., Chancel, L., Piketty, T., Saez, E., Zucman, G. (2017). *World Inequality Report 2018*. Paris: World Inequality Lab. Retrieved from <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>.

Atkinson, A. B. (2015). *Inequality: What Can Be Done?* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Berger, R., Grusky, D., Raffel, T., Samuels, G., Wimer, C. (2010). *The Inequality Puzzle: European and US Leaders Discuss Rising Income Inequality*. Berlin: Springer.

Burawoy, M. (2015). Facing an Unequal World. *Current Sociology*, 63 (1), 5–34.

Davidov, E., Semyonov, M. (2017). Attitudes Toward Immigrants in European Societies. *International Journal of Comparative Sociology*, 58 (5), 359–366.

Devine, F., Waters, M. C., (Eds.), (2004). *Social Inequalities in Comparative Perspective*. Oxford: Blackwell Publishing.

Edlund, J., Bechert, I., Quandt, M., (Eds.), (2017). *Social Inequality in the Eyes of the Public: A Collection of Analyses Based on ISSP Data 1987–2009*. Cologne: GESIS – Leibniz Institute for the Social Sciences (Schriftenreihe Band 17).

Emerging from the Shadows. The Shadow Economy to 2025 (2017). ACCA research report. Retrieved from http://www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy-report.pdf.

Gimpelson, V., Treisman, D. (2015). Misperceiving Inequality. *NBER Working Paper Series, Working Paper 21174*. Cambridge, MA: The National Bureau of Economic Research. Retrieved from <http://www.nber.org/papers/w21174>.

Goldthorpe, J. H. (2005). Progress in Sociology: The Case of Social Mobility Research. In S. Svallfors (Ed.), *Analysing Inequality. Life Chances and Social Mobility in Comparative Perspective* (pp. 56–82). Palo Alto, CA: Stanford University Press.

Haller, M. in collaboration with Eder, A. (2015). *Ethnic Stratification and Economic Inequality Around the World. The End of Exploitation and Exclusion?* London: Taylor & Francis.

Irwin, S. (2018). Lay Perceptions of Inequality and Social Structure. *Sociology*, 52 (2), 211–227.

Kurz, K., Blossfeld, H-P. (Eds.), (2004). *Home Ownership and Social Inequality in Comparative Perspective*. Palo Alto, CA: Stanford University Press.

Makeev, S., Kovalisko, N. (2017). Global and Local Dialects of the Narrative on Inequality. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 22–36. [= Makeev 2017]

Malysh, L. (2011). Similarities and Differences in the Perception of Social Inequality Across Countries. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 97–120. [= Малиш 2011]

Medina, L., Schneider, F. (2018). Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? *IMF Working Papers, WP/18/17*. Washington: International Monetary Fund.

Meraviglia, C. (2017). The Social Ladder. Status Mobility Across Time and Countries. In J. Edlund, I. Bechert, M. Quandt (Eds.), *Social Inequality in the Eyes of the Public: A Collection of Analyses Based on ISSP Data 1987–2009* (pp. 13–33). Cologne: GESIS – Leibniz Institute for the Social Sciences (Schriftenreihe Band 17).

Milanović, B. (2016). *Global Inequality. A New Approach for the Age of Globalisation*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Norton, M. (2014). Mechanisms and Meaning Structures. *Sociological Theory*, 32 (2), 162–187.

Panek, T. (2015). Subjective Personal and Social Well-Being in European Countries. In P. Sztabiński, H. Domański, F. Sztabiński (Eds.), *Hopes and Anxieties in Europe: Six Waves of the European Social Survey* (pp. 27–52). Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH.

Robert, P. (2010). Stratification and Social Mobility. In S. Immerfall, G. Therborn (Eds.), *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century* (pp. 499–536). New York: Springer.

Simonchuk, Ye. (2007). Class Structures from a Comparative Perspective. [In Russian]. In Ye. Golovakha, S. Makeev (Eds.), *Ukrainian Society in the European Space* (pp. 33–104). Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Симончук 2007]

Simonchuk, O. (2010). Class Consciousness: A Comparative Empirical Study. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 56–84. [= Симончук 2010]

Simonchuk, O. V. (2014). Class Positions and Class Identities: An Analysis of Interrelationships. [In Ukrainian]. *Proceedings of the National University of "Kyiv-Mohyla Academy". Sociology*, 161, 46–55. [= Симончук 2014]

Suter, C. (2009). Inequality Beyond Globalisation. Searching for the Missing Pieces of the Puzzle: Introduction to Special Issue. *International Journal of Comparative Sociology*, 50 (5–6), 419–424.

Suter, C. (2010). Globalisation, Economic and Social Transformation, and Inequality: Introduction to Special Issue. *International Journal of Comparative Sociology*, 51 (4), 243–245.

Therborn, G. (2005). Globalisation and Inequality: Issues of Conceptualisation and Explanation. [In Russian]. *Russian Sociological Review*, 4 (1), 31–62. [= Тёрборн 2005]

Therborn, G. (2013). *The Killing Fields of Inequality*. Cambridge: Polity Press.

Wilkinson, R., Pickett, K. (2010). *The Spirit Level. Why Greater Equality Makes Society Stronger*. New York: Bloomsbury Press.

Received 03.07.2018